

В штабе Западного фронта в дни обороны Москвы. Командующий фронтом генерал армии Г.К.Жуков, член военного совета Н.А.Булганин, начальник штаба генерал-лейтенант В.Д.Соколовский

УДК 355.4

Боярский В.И.

В защиту Клаузевица

Боярский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, вице-президент Отделения погранологии Международной академии информатизации.

Статья посвящена анализу военно-теоретических взглядов советского руководства накануне и в период Великой Отечественной войны. Затрагивается проблема оценки факторов пространства и времени в советской военной стратегии первой половины XX в. и влияния этой оценки, взаимосвязи политики и стратегии, а также фактора личности полководца на итоги военных операций и войны в целом.

Ключевые слова: наступательная и оборонительная стратегия, стратегические ошибки, факто времени и пространства, полководец, военное руководство страны, план «Барбаросса», Советская армия, Сталин, Жуков, Василевский, Клаузевиц.

...Мы и слышать не хотим о тех полководцах, которые будто бы побеждали без пролития человеческой крови.

Карл фон Клаузевиц

История – это события, вмешаться в которые нельзя. То время утекло, и в то пространство нам уже никогда не попасть. У историков от Великой Отечественной войны остались обломки артефактов, не захороненные останки погибших солдат и обрывки неявных бумажных субъективных свидетельств. У живых участников событий остался фантом от утрат в виде эмоций и боли и желание побыстрее забыть ужас

войны. Пепел Клааса стучит в сердца немногим, пытающимся извлечь из истории уроки.

План «Барбаросса», который предусматривал молниеносный разгром основных сил Красной Армии западнее рек Днепр и Западная Двина с дальнейшим захватом Москвы, Ленинграда, Донбасса, с последующим выходом на линию Архангельск – Волга – Астрахань, многократно опубликован и давно детально изучен. И сегодня с полной очевидностью можно отметить, что немецкое командование недооценило фактор времени и степень влияния обширных пространств России на ход войны. Но фактор времени недооценило и советское политическое и военное руководство.

В оценке времени и пространства у советских командующих и командиров в ходе Великой Отечественной войны, отмечают исследователи, были как положительные стороны, так и отрицательные. Например, начальник штаба 19-й армии Западного фронта генерал-майор П.Н.Рубцов, подводя итоги Смоленского сражения (1941), в то время для себя, а теперь, выходит, и для нас, записал: «Продолжает иметь место неблагоприятие с расчетом времени и пространства. ... Желание как можно быстрее выполнить поставленную задачу часто затеняет здравый смысл, и войскам ставятся явно непосильные задачи»¹. И это еще мягко сказано. Фронтовик мог найти слова и покрепче.

И еще раз об упущенном времени. Если судить по некоторым публикациям последних лет, то через десять дней после утверждения Гитлером 18 декабря 1940 г. этот план был на столе у Сталина. 29 декабря 1940 г. на стол Сталина легло расшифрованное донесение из Берлина. Резидент разведывательного управления Генштаба Красной Армии «Метеор» информировал: «Альта» сообщила, что Гитлер отдал приказ... о подготовке к войне с СССР, начать которую планируется весной 1941 года». Известно, что директиву № 21 «План «Барбаросса» Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В девяти экземплярах – из них четыре были отправлены высшему командованию Вермахта. Остальные фюрер запер в своем сейфе. Но всего через десять дней, несмотря на чрезвычайные меры предосторожности, известие об этой директиве дошло до советского руководства»².

Почему Сталин и военное руководство страны своевременно не отреагировали на эту, казалось бы, очевидную первичную информацию? А потом, кто сказал, что не отреагировали? Отреагировали. Но как? Вопросы эти давно и упорно дискутируются историками. Остаются и другие. Например, как избежать войны, если ты к ней не готов? Что нужно сделать, чтобы подобное 1941 году с нами не повторилось? Есть ли у истории на них ответы? Как Сталин мог расценивать сообщение резидента разведывательного управления Генштаба Красной Армии «Метеор» и другие сообщения подобного рода? Как провокацию, преднамеренную утечку информации? Какие действия советской стороны могли в этой связи прогнозировать немцы? Основные силы Красной Армии выдвинуты поближе к границе прямо под немецкие танковые «клещи». Не этого ли они ждут? Именно такое развитие событий очень даже устраивало гитлеровских генералов. Но события начального периода войны показали, что ожидания немецких стратегов оказались реализованы лишь частично. «Клещи» замкнулись, но не так и не везде, где хотелось. Значит ли это, что Сталин был прав, отдавая распоряжение не поддаваться на провокации? А может быть, он планировал заманить немцев вглубь страны, растянуть их тыловые коммуникации, как в войне 1812 г.? Такого стратегического плана у Сталина не было. Там, где советские войска не были ошеломлены вероломным ударом, они держались до последнего. Там, где были застигнуты врасплох, беспорядочно отступали. О том, какие действия советской стороны были бы выгодны гитлеровцам, говорил перед войной, как мы отметим ниже, Василевский, но не Сталин.

Можно задать и другой вопрос: было ли единое мнение у военного руководства страны о времени возможного начала войны и как оно учитывалось Сталиным? Можно было бы посвятить этому целое исследование. По свидетельству же многих современников Сталина, «Хозяин» по многим стратегическим вопросам лишь делал вид, что принимает решение коллегиально. За ним почти всегда оставалось последнее слово. И на этот счет о возможном начале будущей войны у вождя была своя непоколебимая точка зрения, сдвинуть его с которой было не то что бы невозможно, но и небезопасно. Тем более, что страна по полной программе в стратегическом плане уже готовилась к будущей войне. Но какой войне?

Можно пофантазировать, как разворачивались бы события, если бы приняли план стратегического развертывания Красной Армии на случай агрессии на Западе и на Востоке Василевского, составленный генштабистами к 15 мая 1941 г. По оценкам военных исследователей, это была стратегия на случай удара противника: «прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовить их к переходу в наступление». По существу, эта стратегия впоследствии легла в основу разработки планов решающих операций: Московской, Сталинградской, Курской и др. и была реализована если и не перед войной, то уже в ходе войны.

Василевский, например, настаивал на недопустимости строительства аэродромов и размещения складов и арсеналов вблизи границы. Противники генштабистов, близкие к Сталину заместители наркома обороны Кулик, Мехлис, Щаденко, да и сам нарком Тимошенко были «против» и добились своего. Но что было бы, если они не противились?... Этого мы никогда не узнаем.

Если же оценивать ситуацию в общем виде с высоты сегодняшнего дня, то совершенно очевидно, что к войне с Германией к лету 1941 года Советский Союз оказался не готов. Почему? В поисках ответа на

¹ Военная мысль. 2008. № 6. С. 63.

² См.: Труд. 2002. 20 июня.

этот вопрос историки, как правило, начинают изучать руководящие документы.

Кто, когда и какую издал директиву Почему ее во время не выполнили. Почему оказались не реализованы хоть и запоздавшие приказы о приведении войск в полную боевую готовность, данные, добытые дальней и ближней разведкой, своевременные доклады пограничников о выдвигании немецких дивизий к границе. Сравнивают количество дивизий, танков и самолетов у противоборствующих сторон накануне боевых действий. Утверждают, что Красная Армия в силу стратегических замыслов готовилась к наступлению, а к обороне и т.д.

Нелишне будет вспомнить, что М.В.Фрунзе, бывший в 1920-е годы наркомом по военным и морским делам, в своей программной статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» писал: «Общая политика рабочего класса, класса, активного по преимуществу, класса, идущего на завоевание всего буржуазного мира, не может не быть активной в самой высокой степени... К политике в полной мере применим тот принцип высшей стратегии, который говорит: «Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать; сторона только обороняющаяся неизбежно обречена на поражение». Стало быть, пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе, как главное его орудие, будет наступать и Красная Армия». Безусловно, Сталин разделял эту «наступательную» стратегию и, следуя ей, совсем не готовил свою армию к возможности ведения оборонительной войны. Он и все его последователи считали вполне возможным создавать именно наступательную армию, которая будет только наступать, причем на чужой территории. Но в 1941 году и к таким радикальным шагам Красная Армия еще не была готова. Сегодня говорят, что еще бы годика два, и армия была бы готова не только к наступлению, но и к обороне. Все это от лукавого.

У военных существуют свои подсчеты, кто и во сколько должен превосходить противника в численности и вооружении как в обороне, так и в наступлении для развития и достижения успеха. Но эти подсчеты все равно не дадут исчерпывающего определения готовности к войне.

Можно было бы даже обратиться к математическому моделированию войны. Автор, помня об известном афоризме: «чем больше формул, тем меньше читателей», не будет рисковать, перебирая разные модели, перейдя сразу к выводам. А вывод, по одной из них, самой простой, по мнению известного математика, был бы таков: для борьбы с вдвое более многочисленным противником нужно в четыре раза более мощное оружие, с втрое более многочисленным – в девять раз и т.д. Однако принцип «если противников вдвое больше, то надо иметь в четыре раза более мощное оружие» оказывается справедлив лишь на конечном этапе взаимного истребления. На других этапах войны следует вносить поправки в виде коэффициентов...¹ Все равно не по себе становится от одной только мысли, что эта иезуитская модель могла стать явью, заполучи Гитлер в 1945 году атомную бомбу и средства ее доставки. Гитлеровским ученым и инженерам всего лишь времени не хватило.

А вот в начале войны все равно четырехкратного превышения ни вермахта над Красной Армией, ни Красной Армии над вермахтом ни по мощности оружия, ни по численности не было. Штатная численность личного состава и вооруженной стрелковых (пехотных) дивизий СССР и Германии примерно были одинаковы (лошадей у немцев было в два раза больше)². По численности вооруженных сил СССР, Германии и её союзников к началу Великой Отечественной войны: по людям – 5,7 и 13,55 (млн.), по орудиям и минометам – 117,6 и 100,7 (тыс.), по танкам – 18,7 и 10,88 (тыс.), по боевым самолетам – 16,0 и 11,9 (тыс.)³. При том, что не все они одновременно вводились в сражения. О таком превышении можно говорить только на завершающем этапе войны, безусловно, с учетом сил и средств антигитлеровской коалиции.

Однако и эти подсчеты (у кого чего было больше) не объясняют ситуацию. К тому же математика никак не проясняет такой феномен, как превращение войны из оборонительной в наступательную и народную, со свойственными только российскому менталитету особенностями, когда военное искусство советских полководцев сочетается с самоотверженностью рядовых бойцов, их жертвенностью, как это было на Куликовом и Бородинском полях. Не будем забывать, что победителя всегда делают те, кого он оставил на полях сражений.

Сегодня очевидно, что мифы о «полной внезапности» нападения, как и о лучшем качестве немецкого оружия, о превосходстве немцев в его количестве несостоятельны. А вот как объяснить, что на каждого погибшего красноармейца пришлось десять попавших в плен либо дезертировавших? В битве под Москвой потери советских войск были в 3,7 раза больше потерь противника. Только в этой войне было около миллиона коллаборационистов. На эти вопросы еще придется отвечать.

Выскажем еще одну версию. Красная Армия к 1941 году оказалась не готова к войне с Германией в профессиональном плане. А если точнее, то армия оказалась должным образом не обучена и вдобавок – деморализована не только противником, но и своим военным руководством и политическим руководством страны. Почему это произошло? Однозначного ответа на этот счет не существует. Но зато очевидно, что оказавшись в такой ситуации, по целому ряду объективных и субъективных причин и даже, осознав сложившееся положение, только директивами исправить было нельзя, даже имея точную дату нападения врага. Чтобы подготовить офицера-профессионала, для армии и пяти лет мало. А сколько времени

¹ См.: Арнольд В.И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pseudology.org

² См.: Великая Отечественная война. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 429.

³ Там же. С. 61.

нужно для подготовки командующего армией или фронтом?

Можно перечислять имена десятков и сотен репрессированных военачальников, командиров дивизий и полков и ссылаться на низкий уровень подготовки вновь назначенных. И это будет соответствовать действительности. Важно признать определяющим уровень военного искусства, и отсюда главное, – что самоотверженность и героизм одиночек не могут заменить собой профессионализм и слаженность действий подразделений, батальонов, дивизий, армий. А есть еще и боевой дух солдат, который не в последнюю очередь строится на вере в победу и в гений своего командира.

Многие и сегодня не хотят признавать, что причиной того, что эти факторы не сразу сработали, была безнравственная система власти, правления и управления, когда главными критериями для выдвижения на руководящие и командные должности и посты являлась не профессионализм, а безграничная преданность делу партии и лично товарищу Сталину. Не хотим согласиться с тем, что в подобных условиях для страны и в первую очередь для военной и политической элиты преступно было уверовать в гениальность диктатора, даже если он харизматический лидер, как сегодня говорят. Только в 1974 году в книге Г.К.Жукова, накануне и на момент начала войны – начальника Генерального штаба РККА, появится фраза: «Мы, военные, не сделали всего, чтобы убедить Сталина в неизбежности войны с Германией в ближайшее время»¹. Менялись ли вслед за возможным переубеждением Сталина в дате нападения Германии советские военные планы?

Занимая в феврале-июле 1941 г. пост начальника Генштаба и заместителя наркома обороны СССР, Жуков принял участие в составлении плана упреждающего удара по Германии: «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками». План датируется не позднее 15 мая 1941 года. В этом документе, в частности, говорилось:

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность упредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Наркомом обороны Тимошенко и начальником Генштаба Жуковым содержание документа было доложено Сталину² (предположительно вечером 14 мая) и предложен упреждающий удар советскими армиями через территорию южной Польши (с форсированием Вислы в среднем течении) на Катовице с дальнейшим поворотом либо на Берлин (если основная немецкая группировка отступит на Берлин), либо к Балтийскому морю, если основные немецкие силы не отойдут и постараются удерживать территорию Польши и Восточной Пруссии. Вспомогательный удар левым крылом Западного фронта предполагалось нанести в направлении Седлец – Демблин с целью сковывания варшавской группировки и овладения Варшавой, а также содействия Юго-Западному фронту в разгроме люблинской противника.

Документ не подписан, хотя места для подписей в нем обозначены³. Согласно версии Жукова, изложенной в интервью корреспонденту газеты 26 мая 1965 года, план не был одобрен Сталиным. Никаких других советских планов ведения войны с Германией с подписями И.В.Сталина не публиковалось. Если план и не был действующим (то есть не одобрен Сталиным), то следует отметить, что этот план боевых действий адекватно отвечал сложившейся в то время ситуации хотя бы уже потому, что являлся единственным планом такого рода. Как бы то ни было, Жуков все сводит к тому, что в неприятии этого плана виноват Сталин. Это позиция одного человека. Мотивировка ее может быть различной.

Не принят план Жукова, отвергли стратегию Василевского. Но был и еще один существенный момент, не учитывать который нельзя. Чтобы уметь воевать, надо учиться воевать. А это возможно только на войне, когда воюют профессионалы, а не ополченцы. Учились на Хасане, учились на Халхин-голе, учились в войне с Финляндией. Научились? Не совсем.

Набирала размах Вторая мировая война, и Советский Союз (будучи для Франции и Англии формальным союзником Германии) в ней не участвовал, но Германия, главный ее инициатор, еще до вторжения в пределы СССР приобрела боевой опыт и одержала над ним свою первую победу в информационном пространстве. Просчеты были с обеих сторон. Но этот просчет советского руководства был одним из самых весомых, повлекший миллионные потери наших войск. Следует знать и помнить, что перед войной эффективно сработала хитроумно выстроенная дезинформационная кампания, на которую Сталин поддался, не разглядев ее тайных пружин, поверив, что Гитлер будет соблюдать условия заключенного договора о дружбе и границах⁴.

Важно и еще одно. Немецкие военачальники в первые месяцы и годы войны оказались на голову выше советских по уровню владения военным искусством и уровню военной культуры.

Советскими военачальниками не была усвоена нравственная составляющая его «Науки побеждать».

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: АПН, 1974. С. 82.

² Невежин В. Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tapir.com/texts/history/suvorov/pravda/nevezhin.htm>

³ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 1999.

⁴ См.: Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995.

Немногие советские военачальники понимали, что упадок военного искусства происходит, когда оттесняется на второй план область духовного влияния, и ценностям материального порядка придается большее значение, чем ценностям нравственного порядка. Немногие из них, в подавляющем большинстве, выходцы из народа, видели, как А.В.Суворов, в солдате человека. Никогда еще в истории России не была так низка цена человеческой жизни, как в этой войне. Все это позволяет сегодняшним историкам называть сражения и битвы, развернувшиеся на полях войны в 1941–1942 годах, бойней...

Почему, например, в исторической литературе по-прежнему пишут о внезапном и вероломном нападении гитлеровцев 22 июня 1941 года, закрывая глаза на то, что внезапность – элемент военного искусства? Нелогично сетовать на вероломство врага, если он опередил тебя. Да, он тебя опередил, но это ты, профессионал, должен был предвидеть. Ты опростоволосился. В военном деле такие просчеты дорого стоят. И за просчет одного-двух расплачиваться приходится сотнями тысяч и миллионами жизней своих солдат и мирных жителей. Японцы в 1945 году предполагали, что Советский Союз готовится к войне с Японией, японская разведка имела такую информацию. И все равно фактор внезапности сработал, потому что это фактор психологический.

Важно и другое. В первой половине XX века менялись представления людей о смысле военной победы и характере целей, которые могут быть достигнуты военными средствами, такие цели, как всемирное расовое владычество, всемирная классовая победа пролетариата.

Обратимся к истории отечественной военной мысли. Как известно военное искусство помимо того, что созвучно политике и на первый взгляд никак с ней не соотносится, обязательно предполагает триединство – *подготовки, обеспечения и ведения* массовой вооруженной борьбы. Будущие советские генералы изучали в академиях правила и установки о том, что военная стратегия реализуется через организацию системных победных боев¹.

Война уже тогда рассматривалась не с позиции теории военной борьбы, а с позиции интересов достижения цели, когда могут применяться все средства ослабления, истребления и лишения противника способности защищаться. Наиболее выдающиеся умы считали, что непрерывность усилий и вместе с этим и единство стратегии будут тогда лишь правомерны, когда промежутки между «операциями», будут заполнены другими средствами: сокрушением вражеской экономики, обгоном в воссоздании своих сил и т.п.²

В 20-е и 30-е годы дискутировали о двух противоборствующих тенденциях: стратегии измора и стратегии сокрушения³. В советский период, судя по отечественной довоенной истории, в военной идеологии и соответственно в военной науке утвердилась априорная догматическая точка зрения, согласно которой сущность войны составляет вооруженная борьба. Отсюда вытекал культ стратегии сокрушения. Между тем весь характер Великой Отечественной войны с первого ее дня свидетельствовал о правоте иных позиций⁴.

С одной стороны – теория абсолютной войны на слом противника. С другой – возможности мобилизации державой, вступающей и втянутой в войну, материальных и особенно человеческих ресурсов. Тут, как никогда, проявилась, пожалуй, единственная позитивная сторона тоталитарного режима, превратившего страну в единый лагерь под лозунгом «Все для победы!». Но был здесь и подводный камень. «Ощущение преобладания мобилизационных возможностей над возможностями уничтожения способствует выдвижению крупномасштабных целей, оправдывает наступление на жизненные пространство противника. А вот когда исчерпание ресурсов не воспринимается как непосредственная угроза, потерь не жалко, «нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим»⁵.

Такая стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели. Если оперативное искусство должно учитывать возможности, представляемые фронтовым тылом, то стратег должен учитывать весь тыл – свой и противника, – представляемый государством, со всеми его политическими и экономическими возможностями... Отсюда появляется необходимость для стратегии диктовать основную линию поведения оперативному искусству и в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею⁶. Здесь есть и свои плюсы, и минусы.

В ходе этой войны все так и было, когда в операции, разрабатываемые командующими армий, вносились существенные коррективы командующих фронтами, которые в свою очередь уточнялись или отменялись Ставкой ВТК и подкреплялись решениями и мерами правительства по выполнению оборонных заказов промышленностью, предельными усилиями населения, побуждаемого патриотизмом и принуждаемого долгом и законом. Ответственность брал на себя тот, чей приказ был последним. Вот только отвечал ли он за последствия? Вряд ли. Только перед своей совестью. А то, что называют «виной», так или иначе придется относить за счет несовершенства государственного и политического устройства, особен-

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: АСТ, 2002. Т. 1. С. 18.

² Снесарев А.Е. Война и революция. М.: Война и техника, 1926.

³ См.: Даниленко И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне // Военная мысль. 2008. № 10. С. 29.

⁴ Речь идет о позиции А.Е.Сесарева.

⁵ Цымбурский В.Л. Россия – земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 90–95.

⁶ Военная стратегия. Под ред. Маршала Советского Союза Соколовского В.Д. Издание 2е, исправленное и дополненное. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963. С. 13–26, 214–236.

ностей социальной системы и ее управления. В государстве, где не работают закон и право, эти вопросы обречены остаться без ответа навечно.

Этот экскурс в теорию и историю военного искусства понадобился нам лишь для того, чтобы отгородиться от скоропалительных и однозначных оценок и суждений кто был прав, а кто не прав, а, следовательно, виноват, с одной стороны, и снимались все возможные упреки победителю о цене успеха, с другой, потому что победителей не судят.

Американцы цинично оправдывают варварские атомные бомбардировки мирных японских городов. Только не нужно забывать, что эти бомбардировки были совершены не столько в целях подавления сопротивления японской армии, а в целях устрашения в первую очередь Советского Союза. Японскую Квантунскую армию эти бомбардировки морально явно не сломили.

Несмотря на достигнутые вермахтом впечатляющие успехи в начале войны, попытка разгромить СССР в одной кампании в ходе «блицкрига» провалилась из-за ошибок в оценке времени и пространства. Основные причины можно найти и в общей недооценке немцами Красной Армии. Несмотря на то, что до войны общее количество советских войск было угадано немецким командованием верно. А вот в ходе войны «советская сторона имела возможность исправить многие ошибки, допущенные в довоенный период: перестроить экономику на военный лад, мобилизовать население на отпор врагу, практически заново подготовить военные кадры младшего звена, технически переоснастить армию и флот».

После первых катастрофических поражений довоенной Красной Армии взамен, а можно сказать, что и в результате гибели ее дивизий не в переносном, а в буквальном смысле, спустя полтора-два года родилась не просто новая качественно, а другая, воюющая Советская армия, стратегические наступательные и оборонительные возможности которой в ходе постоянно растущего полководческого мастерства командиров всех степеней, боевой подготовки и опыта превзошли аналогичные параметры противника.

Серьезный просчет немцев состоял и в недооценке пространственных и мобилизационных возможностей СССР. Ключевую роль в событиях 1941–1942 гг., как считают некоторые исследователи¹, сыграли свечинские идеи «перманентной мобилизации», предусматривавшей формирование новых дивизий и армий уже после развертывания Вооруженных сил в начальный период войны, реализованные начальником Генерального штаба маршалом Б.М.Шапошниковым². Если начавшееся в июле 1941 г. формирование новых соединений, в том числе из кадров НКВД, было вызвано смертельной опасностью, то в последующем эта идея была развита, проработана теоретически и практически и поставлена на поток. Промышленность, построенная в Советском Союзе до войны, позволяла вооружить эти второлнейные соединения.

В возможностях советского военного командования оперативно формировать такие соединения немецкая разведка ошиблась более чем в два с половиной раза. Недоценили немцы и то, что сейчас принято называть человеческим фактором, менталитетом народа. О нем сегодня так модно говорить. Они не ожидали встретить такого упорного азиатского сопротивления, стойкости и мужества обороняющихся при всей их на первых порах явной неподготовленности к обороне. Недоценили особенностей и возможности тоталитарной системы, способной все ресурсы страны жестко подчинить Победе.

В силу недооценки советским руководством ряда названных причин уже за два года до войны время военных возможностей для Советского Союза и его армии стало неумолимо сжиматься. Еще немного – и оно могло остановиться, а затем потечь вспять, приближая страну к потере самоидентичности и самостоятельности. Для Германии и немецкой армии, наоборот, время пока еще текло спокойно и равномерно в одном направлении. Но стратегические ошибки уже были допущены Гитлером в ходе войны в Европе. Он не сумел разделаться с Англией до нападения на Советский Союз. Ошибкой был и «Восточный поход». Гитлеровцам не удалось выигрывать кампанию одним эшелонам войск за пять месяцев. Важным этапом в срыве плана «Барбаросса» стало Смоленское сражение, в котором советские войска, несмотря на тяжелые потери, остановили продвижение противника на восток.

Немецкому командованию пришлось проводить частные операции по защите флангов центральной наступающей группировки. Эти операции, хотя и были успешными, приводили к потере времени и трате ресурсов моторизованных войск. Остановка вермахта у Москвы привела к потере пространства и времени. Поэтому уже осенью 1941 г. выход из кризиса немецкое командование попыталось найти в операции «Тайфун». Кампания 1941 года окончилась поражением немецких войск под Москвой. Но какими усилиями и какой ценой для советских войск?! Даже спустя десятилетия мы не хотим честно отвечать на эти вопросы.

Полководец, по определению военных энциклопедических словарей, – военачальник, умело руководящий вооруженными силами или крупными воинскими формированиями, владеющий искусством подготовки и ведения военных действий. К полководцам относят лиц, владеющих талантом, позволяющим с наибольшей эффективностью использовать имеющиеся силы и средства и меньшими или равными силами наносить поражение превосходящим силам врага.

Но есть и другой подход: в зависимости от того, каким количеством войск командовал тот или иной военачальник в годы войны, т.е. по масштабу и должности. В таком случае военачальник, стоящий во

¹ См.: Исаев А. Наступление маршала Шапошникова. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005.

² В мае 1937 г. Б.М.Шапошников был назначен начальником Генерального штаба и оставался им до августа 1940 г. В июле 1941 г. он вновь занял этот пост вместо смещенного из-за конфликта с И.В.Сталиным Г.К.Жукова.

главе армии в звании генерала армии, – полководец. Однако в этой связи принципиально нельзя согласиться с рейтингом полководцев, построенным по субъективному признаку¹.

Сегодня многие полагают, что к высокому титулу полководца незаслуженно относят военачальников, которые допустили разгром РККА на начальном периоде войны и только массовыми людскими жертвами остановили врага. Если истина в том, что и первый и второй подход должны обязательно сочетаться, то под классическое военно-историческое определение полководца ни Жуков, ни, тем более, Сталин явно не подходят. История еще скажет по этому поводу свое слово.

Но настораживают многочисленные опросы общественного мнения. Примерно треть общества относится к прошлой войне равнодушно, примерно столько же оправдывают потери сложившимися историческими условиями. И только одна треть считает, что нужна правда без прикрас, что по истинным, а не виртуальным заслугам надо ценить полководцев. Можно считать и так. Не оказалось, мол, в Советском Союзе в первый период войны военачальников, способных достойно противостоять вермахту на полях сражений. Какие были, такие и воевали. А пока свои военачальники учились военному делу (а они действительно упорно и настойчиво учились), народ своими жизнями (надо же Родину защищать!) сдерживал агрессора. Но это неправильно. Не для того народ содержит свою армию в мирное время.

Хуже другое. Находится и такая категория людей с перевернутым сознанием, которые считают, что если такая ситуация повторится, все не то, чтоб будет так, как прежде, но так и должно быть, как в той страшной войне. Пограничные заставы, например, без поддержки армии должны, как и прежде, героически до последнего бойца, сражаться, даже если армия не придет на помощь. А может быть гораздо эффективнее пограничным заставам пропустить врага через себя и перейти к партизанским действиям в тылу врага? Нет, нельзя. Таковы правила игры... А зачем тогда такие стратеги? Может, это судьба у русского народа такая – приглашать в трудные дни норманнов для наведения порядка? Не исключено, что это данность свыше... И тогда так будет вечно.

Однако убежденные в научном характере войны российские и советские военные теоретики всегда рассматривали изучение и использование боевого опыта как ценный инструмент для повышения боевой эффективности войск. Для этого в разные времена создавалась обширная система сбора и обработки опыта войны. И, конечно же, не случайно уже в 1945 году в Советском Союзе победители стали более внимательно перечитывать, – что бы вы подумали? – 700-страничный том прусского генерала Клаузевица «О войне». Предстояло осмыслить произошедшее. Практики оказалось в избытке, а вот с теорией военного искусства ясность была не у всех.

Понятен и оправдан был вспыхнувший в Советском Союзе интерес и к военной истории. Если не забывать, конечно, что «история существует не для того, чтобы жить реминисценциями о былом величии». На страницах военной печати во второй половине сороковых годов все чаще вспыхивают дискуссии, но почему-то преимущественно о войне 1812 года. Можно предположить, что по аналогии шло сравнение двух Отечественных войн. В чем их сходство, в чем различие? Тем более, что о последней войне говорить еще рано, не велено. Тем более что генералы, как правило, чаще и охотней готовятся к войне прошедшей, чем к будущей. Так безобиднее и безопаснее для них.

А потом, кто же прав в принципиальном философском вопросе о сущности войны – русский писатель Л.Н. Толстой с его космическим видением или прусский генерал Карл фон Клаузевиц? Этот вопрос и до сих пор не потерял свою актуальность. Не такой уж наивный вопрос, если посмотреть с позиции послезнания². У Толстого война – явление совершенно бессмысленное (этакое коллективное бессознательное) и потому фатальное, в то время как для Клаузевица война представляет собой вполне естественный для человека процесс, не более чем «продолжение политики другими средствами»... Между тем все говорило о том, что с теорией Клаузевица на тот момент происходило то же, что и с учением Маркса. Его идеи трактовали настолько своеобразно, что он мог бы воскликнуть подобно Марксу, который в свое время заметил: «если вы все это называете марксизмом, то я не марксист». Вот и с теорией Клаузевица было не так все просто.

В 1945 г. в журнале «Военная мысль» № 6–7 была опубликована статья подполковника Мещерякова «Клаузевиц и немецкая военная идеология». В ней автор критически оценивал военную доктрину Клаузевица, что, по мнению известного профессора кафедры истории военного искусства Академии имени М.В.Фрунзе Е.А.Разина³, противоречило ленинской оценке этого военного теоретика, являлось «антиленинской вылазкой» и «ревизией» его оценки... За разъяснениями по поводу этой статьи Е.А.Разин обратился не к кому-нибудь, а прямо к И.В.Сталину. В журнале «Большевик» № 3 за 1947 г. был опубликован

¹ В определении рейтинга участвовали: Маршал Советского Союза В.Г.Куликов, Маршал Советского Союза С.Л.Соколов, генерал армии В.И.Варенников, доктор военных и доктор исторических наук генерал армии М.А.Гареев (руководитель исследовательской группы), генерал армии В.Л.Говоров, генерал армии И.М.Третьяк, маршал бронетанковых войск О.Л.Лосик, адмирал флота И.М.Капитанец, маршал артиллерии В.М.Михалкин, доктор военных наук генерал-полковник В.В.Коробушин, генерал-полковник В.Н.Веровкин-Рахальский, полковник А.А.Кольтохов (начальник Института военной истории МО РФ), генерал-лейтенант В.С.Рябов, доктор военных наук генерал-майор В.Г.Рог, генерал-майор А.В.Кирилин, доктор исторических наук Г.А.Куманев, доктор исторических наук А.С.Орлов, доктор исторических наук О.А.Ржещевский, доктор исторических наук полковник Ю.В.Рубцов, полковник В.А.Семидетко.

² Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: КомКнига, 2005.

³ См.: Разин Е.А. История военного искусства. В 3 т. М., 1994.

«Ответ товарища Сталина тов. Разину», в котором указывалось на ошибки автора письма в оценке статьи Мещерякова и подчеркивалось, что его оценка «бьет мимо цели».

Сталин отвечает на следующие вопросы «тов. Разина»: не устарели ли положения Ленина в оценке Клаузевица; должны ли мы критиковать по сути дела военную доктрину Клаузевица, а также касается кратких тезисов о войне и военном искусстве...

Из ответа Сталина вытекало, что Ленин здесь вообще ни при чем. «В отличие от Энгельса Ленин не считал себя знатоком военного дела... Ленин не затрагивает чисто военных вопросов, вроде вопросов о военной стратегии и тактике и их взаимоотношении, о взаимоотношении между наступлением и отступлением, обороной и контрнаступлением и т.п.»

И Клаузевиц, дескать, понадобился Ленину, поскольку подтверждал в своих трудах известное марксистское положение о том, что между войной и политикой существует прямая связь, что политика порождает войну, что война есть продолжение политики насильственными средствами. «Ссылка на Клаузевица нужна была здесь Ленину для того, чтобы лишний раз уличить Плеханова, Каутского и других в социал-шовинизме, в социал-империализме». Первый вывод. Надо полагать, «никакие указания Ленина не ограничивают нашу свободу критики Клаузевица».

Военные авторитеты Германии пользуются уважением? «Нужно ли покончить с этим незаслуженным уважением? Нужно покончить. Ну а для этого «нужна критика, особенно с нашей стороны, со стороны победителей Германии». Что, мол, вы мне тут цитируете какого-то немца. И сегодня можно услышать нечто подобное.

Что касается, в частности, Клаузевица, то он, конечно, устарел как военный авторитет, отмечает Сталин. Клаузевиц был, собственно, «представителем мануфактурного периода войны. Но теперь у нас машинный период войны. Несомненно, что машинный период требует новых военных идеологов. Смешно брать теперь уроки у Клаузевица». Да и Энгельс нам не авторитет. Нужно творчески развивать идеи Маркса, применительно к своим условиям, а не к Франции там или Германии. Далее цитата.

«Нельзя двигаться вперед и двигать вперед науку без того, чтобы не подвергнуть критическому разбору устаревшие положения и высказывания известных авторов. Это относится не только к авторитетам военного дела, но и к классикам марксизма. Энгельс говорил как-то, что из русских полководцев периода 1812 года генерал Барклай-де-Толли является единственным полководцем, заслуживающим внимания. Энгельс, конечно, ошибался, ибо Кутузов как полководец был, бесспорно, двумя головами выше Барклая-де-Толли. А ведь могут найтись в наше время люди, которые с пеною у рта будут отстаивать это ошибочное высказывание Энгельса». Вот тут Сталин, безусловно, прав.

Что касается кратких тезисов о войне и военном искусстве, то «ввиду их схематического характера» Сталин делает общие замечания, но одно из них конкретное. «Отсутствует отдел о контрнаступлении (не смешивать с контратакой). Я говорю о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику решительное поражение. Я думаю, что хорошо организованное контрнаступление является очень интересным видом наступления. Вам как историку следовало бы поинтересоваться этим делом. Еще старые парфяне знали о таком контрнаступлении, когда они завлекли римского полководца Красса и его войска вглубь своей страны, а потом ударили в контрнаступление и загубили их. Очень хорошо знал об этом также наш гениальный полководец Кутузов, который загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления¹. Может быть, действительно все дело в контрнаступлении любой ценой?

Почему Сталин делает акцент исключительно на контрнаступлении, а, скажем, не на обороне? У Клаузевица ведь оборона не на последнем месте. Оборона и наступление. Он их не разрывает. Капитальная мысль Клаузевица, что оборона является сильнейшей формой ведения войны, но ведущей лишь к достижению отрицательной цели, а наступление – слабейшая форма с положительной целью. На первый взгляд все у Клаузевица запутано. На самом же деле нет. Действительно, если бы наступление было легче обороны, то для слабейшей стороны переход к обороне был бы грубой, непростительной ошибкой. Однако изучение истории, очевидно, подтверждает разумность оборонительных действий со стороны слабейшего. Обороняющийся тактически лучше может использовать местность, шире применить фортификационные работы, дать более полное развитие огню. Оборона в стратегии имеет возможность использовать рубежи и глубину театра, что заставляет наступающего тратить силы на закрепление пространства и тратить время на его прохождение, а всякий выигрыш времени – новый плюс для обороны. На помощь обороняющемуся приходят войска второй и третьей очереди, местное население, ополчение, партизаны...

Несмотря на простоту и ясность этой мысли Клаузевица, преклонение перед наступлением во что бы то ни стало, перед захватом инициативы приводило большинство теоретиков к заключению, что Клаузевиц в этом вопросе ошибался. Прислушаться к словам «прусского революционного генерала», что «оборона представляет более сильную форму войны, чем наступление», красные революционные командиры не захотели.

Между тем следует заметить, что Клаузевиц под обороной подразумевал не пассивное отсиживание, а

¹ См.: Журнал «Большевик». 1947. № 3.

лишь «выжидание первого удара со стороны неприятеля, на который должен последовать возможно сильный ответный удар обороны». Для Клаузевица оборона – это вторая рука. Необходимость, указанная Клаузевицем, при достаточных силах задаваться положительной целью ясно подчеркивает требование переходить в наступление, как только предшествующие оборонительные действия создадут на нашей стороне перевес сил. Сильный, молниеносный переход от обороны к наступлению представляется высшим достижением военного искусства.

Между тем тогда с легкой руки апологетов Сталина в энциклопедиях и словарях стали вносить уточнения: Курская битва – это контрнаступление под Курском, битва под Москвой – это контрнаступление под Москвой, Сталинградская битва – контрнаступление под Сталинградом... Это не просто оптимистичная трактовка событий, а явная установка: мы наступали и будем наступать, несмотря на весомые потери.

Для военной и исторической общественности это замечание Сталина стало знаковым. На него сразу же отреагировали. Кто виноват, что война в ее первые годы развивалась по проигрышному сценарию? Клаузевиц?.. Да, можно с очевидностью сказать, что исключительно вредное воздействие на развитие военного искусства в Советском Союзе оказал этот немец. Он уверенно заявлял, что именно превосходство в численности с каждым днем приобретает все большее значение – и это фактически на пороге механизированного периода европейских войн! Доверились прусскому генералу. Его учение, согласно которому бой есть единственная настоящая форма военной деятельности, снижает военное искусство до техники массовой бойни. А доктрина, которая начинается с определения войны только как «продолжения политики государства другими средствами», в конечном итоге приводит к противоречию, делая политику рабой стратегии, причем стратегии заведомо проигрышной?

Политика и стратегия – это прерогатива руководителей государства, военное искусство – полководцев. А полководцев никогда не бывает много. Вот и в этой войне их было не больше, чем пальцев на обеих руках. Не каждому из них суждено пережить свое время. Например, Кутузов, ученик Румянцева и Суворова, пережил свое время. От своих учителей он унаследовал твердое убеждение, что сила русской армии в солдате. Завоевав его доверие и любовь, заботясь о нем, можно требовать от войск высшего напряжения сил на войне и побеждать в боях.

Важно, чтобы было с кого брать пример. При этом вряд ли стоит и сегодня оспаривать утверждение Клаузевица, который подчеркивал: «Кто хочет работать в атмосфере войны, должен забыть о том, что твердят книги. Книги приносят пользу лишь постольку, поскольку они содействовали образованию и развитию мышления. Кто же будет искать вдохновения не в импульсе, даваемом моментом, а в готовых идеях, не переродившихся в его плоть и кровь, тот увидит свои построения еще прежде, чем они будут завершены, опрокинутыми потоком событий». Безусловно, здесь главное – развитие оперативного и стратегического мышления, переродившихся в ходе овладения теорией, в плоть и кровь. Большинство советских крупных военачальников, крестьянских сыновей, бывших прапорщиков и георгиевских кавалеров, героев гражданской войны, прошли тернистый путь, который подтверждает: полководцами не рождаются, полководцами становятся. А кому из них воздастся больше, кому меньше – расценит время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд В.И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pseudology.org
2. Большевик. 1947. № 3.
3. Великая Отечественная война. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995.
4. Военная мысль. 2008. № 6. С. 63.
5. Военная стратегия. Под ред. Маршала Советского Союза Соколовского В.Д. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1963.
6. Даниленко И.С. От прикладной военной науки – к системной науке о войне // Военная мысль. 2008. № 10.
7. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: АПН, 1974.
8. Исаев А. Наступление маршала Шапошникова. История ВОВ, которую мы не знали. М., 2005.
9. Клаузевиц К. О войне. М.: АСТ, 2002. Т. 1.
10. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 1999.
11. Неvezhin В. Стратегические замыслы Сталина накануне 22 июня 1941 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tapirr.com/texts/history/suvorov/pravda/nevezhin.htm>
12. Разин Е.А. История военного искусства. В 3 т. М., 1994.
13. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995.
14. Снесарев А.Е. Война и революция. М.: Война и техника, 1926.
15. Труд. 2002. 20 июня.
16. Цымбурский В.Л. Россия – земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.